Текст · 2 августа 2021, 06:53
Александр Бородихин,

Первый коронный. Любови Соболь выносят приговор по «санитарному делу»

Через полгода после возбуждения «санитарного дела» суд выносит первый приговор — 2 августа должны были огласить решение по делу Любови Соболь, которое рассмотрели всего за месяц, но в последний момент оглашение перенесли на следующее утро. Под предлогом коронавирусных ограничений прессу в суд не пускали, поэтому накануне приговора «Медиазона» рассказывает, как шел этот, по сути, закрытый процесс.

Преображенский суд Москвы уже месяц рассматривает «санитарное дело». В нем девять обвиняемых[1] — Любовь Соболь, Олег Навальный,

Кира Ярмыш, Мария Алехина, Люся Штейн, Николай Ляскин, Анастасия Васильева, Дмитрий Барановский и Олег Степанов. Всех их судят по-отдельности.

Фигурантов раньше было десять, но в середине июля обвинения сняли с муниципального депутата Константина Янкаускаса. «Насколько я понимаю, в моих твитах, в том числе в твите «Один за всех — и все за одного» в итоге не удалось найти подстрекательств к нарушению санитарных норм», — объясняет он.

И хотя судят всех по одиночке, формулировки обвинения и доказательства вины у всех девятерых совпадают практически полностью.

«Совершила подстрекательство к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания людей, склонив других лиц к совершению преступления путем уговора и призыва» — за этой тяжеловесной формулировкой из обвинительного заключения скрываются январские посты и видеоролики Любови Соболь с упоминанием будущей акции протеста. В январе, когда Алексей Навальный попал под арест сразу после возвращения в Россию после лечения от отравления «Новичком», его соратники выпустили фильм о «дворце Путина» и назначили на 23 января уличные акции протеста в его поддержку.

«Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания людей» — это на языке следствия означает проведение акции протеста на улице без санитайзеров, масок и перчаток (кстати, исследования показывают, что вероятность заразиться ковидом на открытом воздухе составляет менее 1%).

«Склонив других лиц к совершению преступления» — за этой формулировкой кроется один-единственный «исполнитель», 23-летний Дани Таммам Акель с диагнозом *COVID-19*, принявший участие в демонстрации в Москве и тоже ставший обвиняемым по делу.

Акель пока не осужден, отмечает адвокат Владимир Воронин, процесс по его делу должен начаться только в день приговора Соболь: «Мы не можем говорить о том, что здесь было то или иное соучастие, потому что кто выполнял объективную сторону [преступления]?

Мы пока этого не знаем. Государственное обвинение говорит, что это Акель Дани Таммам, но подтвердить это ничем не может».

Зачитывая обвинительное заключение в первый день суда, прокурор Надежда Тихонова сделала акцент на экспертных оценках, зачитывая с выражением цитаты, с помощью которых Соболь «совершала подстрекательство». Так, во фразе «Свободу Навальному! 23 января» побуждение к участию в акции, по мнению следствия, «эксплицитно выраженное», то есть явное и очевидное, а вот в призыве «не бояться, не молчать, сопротивляться, выходить на улицы за себя и свое будущее» — уже «имплицитное», то есть неявное.

Любови Соболь вменили два прямых эфира на ютьюбе, твит с видеообращением Навального из отдела полиции в Химках и еще семь разных твитов, где так или иначе упоминалась акция 23 января. «Находясь под влиянием призывов» Соболь и других обвиняемых по «санитарному делу», продолжает обвинение, в центре Москвы собрались «не менее 4 000 человек» (сторонники Навального говорили о 50 тысячах). Поддавшиеся призывам москвичи «не соблюдали социальную дистанцию, не носили маски и перчатки», чем «создали реальную угрозу массового заболевания людей, как присутствовавших в местах проведения несанкционированных митингов, так и иных лиц, которые могли контактировать с ними в последующем».

External embed

https://soundcloud.com/mediazona/prokuror-zachityvaet

На вопрос о том, воплотилась ли эта угроза в жизнь, обвинение отвечает: «Избежать указанных негативных последствий удалось в результате скоординированных действий сотрудников правоохранительных органов, препятствовавших близкому контактированию присутствующих граждан между собой, а также дополнительной разъяснительной работе, проведенной как непосредственно в ходе проводившегося несогласованного публичного массового мероприятия (митинга), так и в предшествовавшие данному событию дни в средствах массовой информации, а также в силу иных причин и обстоятельств, не зависящих от воли лиц, нарушивших указанные правила».

Такой же линии придерживались и трое допрошенных в суде полицейских[2]: митингующие от коронавируса не защищались, а силовики им при задержании и маски выдавали, и руки санитайзером обрабатывать предлагали. Правда, перчаток не выдавали, зато сидели задержанные в автозаках «не плечом к плечу».

В суде допросили 11 из 16 допрошенных ранее следователями свидетелей обвинения: помимо полицейских, это двое врачей[3], осматривавших больного Акеля, кассир *KFC* Арсений Хесин, опознанный на митинге камерой московской мэрии и избежавший уголовного преследования

только благодаря отрицательному тесту от 22 января, а также двое добровольных помощников-[4] полиции, которые решили зайти на акцию, чтобы засвидетельствовать нарушения со стороны протестующих. Явку в суд нескольких свидетелей, в том числе замначальницы отдела эпидемиологического надзора Роспотребнадзора Дарьи Василевской, которая рассказала следствию про меры по борьбе с коронавирусом, прокуратура обеспечить не смогла.

Наконец добрались и до самого «исполнителя» Акеля. Молодой человек в суде держался уверенно и пояснил, что вышел на акцию под конец режима обязательной изоляции, сделав два аптечных теста на коронавирус: «Я не знал тогда, что они не имеют юридической силы. Вот и сидел, думал, идти или не идти и подумал, что у меня все благоволит к этому: симптомов не было, тесты я сделал. Я сидел, смотрел репортаж «Дождя», как безоружных людей ни за что начинают избивать на Пушкинской площади и задерживать, ну и я не выдержал, мне показалось это странным и лишним».

Акель вышел из дома на Цветном бульваре и дошел до Трубной, встретив поток людей, которые уходили с Пушкинской «от произвола». Вскоре он застал «игру в снежки»: «Ну, люди пытались хоть как-то выразить свою злобу. У нас люди не привыкли к радикальным действиям, поэтому они начали кидать снежки в полицию, но полиция даже на это обижалась».

На попытки прокурора выяснить, был ли Акель как-то связан с Соболь, тот невозмутимо ответил: «Я большую часть наших лидеров оппозиции узнал уже

со временем, после того, как на меня уголовное дело завели. Я, в целом, немножко не из этой политической субкультуры: я либерал, но больше правый, поэтому сам движ был интересен, а вот лидеры… Не следил я ни за кем, кроме Навального».

— Социальная дистанция, по-вашему, соблюдалась? — уточнила у него гособвинительница.

— Относительно. Временами да, временами нет.

— А по поводу наличия масок?

— Маски были у многих, перчатки у нас как-то не пошли, их и в метро никто не носит.

— У нас не про метро, у нас в пределах судебного разбирательства…

— Да у нас даже в судебном заседании никто не носит перчатки, что уж тут, — вставляет Соболь.

— Скажите, а сотрудники полиции как-то реагировали, разъясняли митингующим, пытались что-то там сказать? Разъяснительную работу вели?

— Это будет громко сказано: перед тем, как начинать задерживать, в громкоговоритель объявляли о том, что сейчас будут задерживать, что митинг несанкционированный, незаконный; ждали пару минут и потом отправляли людей уже.

— А то, что возможность заражения, что нельзя…

— Вот это я, честно скажу, ни разу не слышал. Ни разу не слышал, чтобы по одному из громкоговорителей такое сказали.

External embed
https://soundcloud.com/mediazona/dopros-akelya-advokat-i-prokuror

28 июля обвинение потребовало назначить Любови Соболь ограничение свободы на два года с запретом на выход из дома с 10 часов вечера до 6 утра, на участие в массовых мероприятиях и на выезд из Москвы. Кроме того, прокуратура предложила обязать Соболь отмечаться в полиции четырежды в месяц.

Пока следствие по «санитарному делу» еще велось, Соболь успели приговорить к году исправительных работ условно по делу о незаконном проникновении в квартиру предполагаемого сотрудника ФСБ Константина Кудрявцева. По версии обвинения-, юристка «схватила [тещу Кудрявцева] за левую руку своей рукой и оттолкнула от входной двери своим плечом», затем «незаконно проникла в данную квартиру» и, «обойдя помещение жилища, его покинула». Кудрявцева Алексей Навальный называл одним из участников спецоперации по своему отравлению.

Через два месяца после приговора по «квартирному делу» Мосгорсуд признал ФБК[5] и «штабы Навального» экстремистскими организациями — из-за этого Соболь, собиравшаяся выдвигать свою кандидатуру на выборах в Госдуму, отказалась от этой идеи, поскольку не сможет «обеспечить безопасность

своим волонтерам, сотрудникам и жертвователям на избирательной кампании».

Приговор Соболь — первый по «санитарному делу». Следующим осужденным, вероятнее всего, станет Олег Навальный, процесс над которым уже подходит к концу.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Всем им предъявлено обвинение в подстрекательстве к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, создавшем угрозу массового заболевания людей (часть 4 статьи 33 и часть 1 статьи 236 УК).

2. Командир взвода ППС Владимир Балюлин, командир взвода охраны и конвоирования подозреваемых Хайрудин Мужаидов, командир отделения 1-го специального полка полиции Николай Хашин.

3. Участковый терапевт московской поликлиники №3 Никита Герасименко и заведующий помощью на дому Вадим Одинцов.

4. Павел Волков и Игорь Дмитриев.

5. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что Фонд борьбы с коррупцией внесен Минюстом в «реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента».